

**Диалог с формой: о жанровой специфике памфлета
«Купание красного коня» Александра Иванченко
Романова Ольга Александровна**

студентка

*Уральский Государственный Университет им. М.Горького,
Екатеринбург, Россия
email: romantika@inbox.ru*

После почти десятилетнего литературного молчания в 1997 А. Иванченко пишет памфлет «Купание красного коня (поэма без героев)», что для литературной ситуации тех лет стало явлением во многом неожиданным. Острое, полное сарказма произведение, вышедшее из-под пера запомнившегося психологической, утонченной прозой писателя, многих ввело в недоумение.

В памфлете отчетливо проявляется поэтика противостояния. Он разворачивается как рецензия на «роман» М. Астурба «Купание красного коня». Изд-во «Сбагриус», Москва–Петушки, 1997 г., т. 100 000 экз., на страницах которого запечатлены политические и культурные события, происходившие в России в первые постсоветские годы. Иванченко мастерски «осваивает» памфлетный жанр, выстраивая «Купание красного коня» во многом следуя традиции. Ироническая тональность начала произведения, подчиняясь внутренней эмоции, порой достигает беспощадно обличительных высот сарказма. Произведение пишется на эмоциональном пределе, изображение героев, за которыми проступают реальные личности, отнюдь не корректно, описание мира предельно гиперболизировано. Памфлетная «сдвинутость» обрисовок действительности и персонажей избыточна.

Однако жанровая форма памфлета под пером Александра Иванченко претерпевает некоторые структурные изменения. В произведении три пласта повествования: повествование от лица самого писателя; редуцированное рецензентом романное повествование («Купание красного коня» М. Астурба, его фабульная канва и система образов); рецензия на «роман» М. Астурба и «рассуждения о судьбах» Родины, что считаем собственно памфлетным повествованием. Следовательно, в памфлете можно выделить три голоса: голос самого писателя, автора памфлета, проявленный в «Предупреждении читателю»; голос рецензента А.И., от чьего лица подается «ядовитое описание» современной ему действительности, хотя и представленной в «романе» М. Астурба, и «рассуждения о судьбах» Родины; в тексте присутствует и автор рецензируемого «романа» – М. Астурб, но голос его подается опосредованно, только в пересказе фрагментов его произведения и в кратком упоминании авторской оценки описываемого.

Субъектная организация памфлета выстраивается не по типичным жанровым канонам. Иванченко переадресовывает свое авторство перу А.И., отдавая право развернутой оценки своему «двойнику». Рецензент «романа» – та фигура в памфлете, из-под чьей руки появляется текст, под его углом зрения читатель видит «роман» / действительность. И хотя А.И. оговаривает свою позицию наблюдателя–анализатора: «рецензент ничего не преувеличивает, так он прочитал у М. Астурба» [Иванченко: 544] – но на его совести правдивость того, о чем он рассказывает. Ведь рецензент признается, что создает «над – текст» «роману» М. Астурба: «Рецензент назвал бы эту операцию реконструкцией смысла, переакцентировкой логических ударений романа, смещением их в сторону истинного смысла сочинения» [там же: 545].

Иванченко реконструирует уже известную модель мистификации, характерную для экзистенциального реализма, в которой «на уровне системы персонажей есть писатель, создающий текст, и филолог, этот текст анализирующий, снабжающий читателя стратегией анализа собственного же текста».

Прозаик же надстраивает систему на один уровень, что, в результате, смещает «роли» персонажей. Таким образом, в памфлете:

– «писатель, создавший текст» – М. Астурб. Голос его подается опосредованно, однако текст «романа» существует в памфлете как подлинный документ эпохи;

– «филолог, этот текст анализирующий, снабжающий читателя стратегией анализа собственного же текста». Причем А. И. и читатель, и рецензент «романа. Рецензент мыслит себя призмой восприятия читателем художественных особенностей романа. Ситуация чтения им самим «романа» – это процесс толкования текста М. Астурба, которая, порождает и фабулу памфлета, и метатекстовость его структуры. Установка текста на диалогичность позволяет говорить и о четкой публицистической линии произведения;

– сам писатель, который внеполагает себя памфлетному, экспрессивно яркому и философски задумчивому повествованию. Но авторская дешифровка кодов произведения видится как вынужденная перешифровка их. «Предупреждение читателю» было написано автором «после безуспешных попыток напечатать статью [«Купание красного коня» – О.Р.] в ряде «демократических» изданий» [там же: 521]. Поэтому возникла необходимость оговорить вектор прочтения, во избежание некорректных трактовок.

Таким образом, парадоксальный способ достижения достоверности – художественная мистификация – в произведении Иванченко становится способом достоверность завуалировать. Другими словами, Иванченко, «для отвода глаз», скрывает обличительный пафос памфлета, обрамляя его внешней канвой «Предупреждения читателю», но не скрывает его в тексте своего «двойника»–рецензента (иронические оценки, «попутные» замечания, откровенные объемные высказывания «я»–субъекта и т.д.).

Прием художественной мистификации деформирует жанровый канон памфлета, вуалируя открытое авторское начало, разрушая авторитетную авторскую позицию (система текстов, принадлежащих разным «авторам») и, как следствие, позволяет автору оставаться вне границ иллюзии и реальности, «вне любого мнения о себе, не связывать себя ни при каких обстоятельствах чувством «я». Особенную актуальность данное суждение приобретает, учитывая приверженность писателя к буддийской философии.

Литература

Иванченко А. Голос безмолвия: роман, повесть, памфлет. Екатеринбург, 2000.

Гулиус Н. Художественная мистификация как прием текстопорождения в русской прозе 1980-19990-х (А.Битов, М.Харитонов, Ю.Буйда). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2006.